ОИК
17г.1

Иларій Шадринъ.

Вся земля — — всему народу.

(Крестьянину — гражданину).

Цѣна 25 коп.

КАЗАНЬ.
1917

Иларій Шадринъ.

Вся земля — — всему народу.

(Крестьянину — гражданину).

Цѣна 25 коп.

КАЗАНЬ.
1917.

Казань. Тип. Т-ва „УМИДЪ" б. Харитонова. 1917.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

1299816

На дняхъ мнѣ пришлось быть на одномъ крестьянскомъ сходѣ. Бесѣдовали о злободневныхъ вопросахъ. Разговаривали, горячились, спорили. Но больше всего споровъ вызвалъ, конечно, разговоръ о землѣ, именно какъ понимать слова: „вся земля—всему народу“.

Изъ рѣчей многихъ ораторовъ выходило такъ, что земля отнынѣ должна цѣликомъ принадлежать крестьянамъ, только крестьянамъ и больше никому. Особенно горячо доказывалъ это Иванъ Степановичъ, мой давнишній пріятель, очень толковый мужикъ, съ которымъ разговора о землѣ, однако, до сихъ не приходилось вести, потому что еще не такъ давно за эти разговоры можно было и въ тюрьму попасть.

— Вотъ вы, Иванъ Степановичъ, говорите, что вся земля должна принадлежать крестьянамъ, потому что такъ и въ книжкахъ написано: „вся земля—всему народу въ уравнительное пользованіе“.

— Трудящемуся народу, тѣмъ кто самъ пашетъ и сѣетъ—горячо перебилъ меня

Иванъ Степановичъ.—А извѣстно, кто пашетъ. Крестьянинъ, и больше никто!

— Хорошо, согласился я.—Земля—трудящемуся народу. А вотъ я, инструкторъ кооперації, по происхожденію своему принадлежащій къ сословію духовенства, скажите, принадлежу къ тому народу, которому должна быть передана земля или не принадлежу? Имѣю я право считать себя частью русскаго народа или нѣтъ?

Иванъ Степановичъ задумался. Публика выжидательно смотрѣла на него и на меня.

— Конечно, принадлежите,—не безъ нѣкотораго смущенія, но довольно рѣшительно, заявилъ онъ.

— Спасибо! улыбнулся я. Теперь я могу смѣлѣй говорить съ вами. Ну, а Григорій Петровичъ, показалъ я на сидѣвшаго рядомъ со мной учителя земской школы,—принадлежитъ къ народу или не принадлежитъ? Онъ городской житель и сынъ офицера, который былъ убитъ въ японскую войну подъ Портъ-Артуромъ. Какъ вы о немъ думаете?

— Ну, конечно, и онъ принадлежитъ къ народу,—теперь уже почти безъ колебаній согласился Иванъ Степановичъ.

Публика насторожилась. Одни лукаво улыбались, другіе сосредоточенно думали очевидно о томъ—правильно ли отвѣтилъ Иванъ Степановичъ. Учитель смутился, но значительно веселѣе взглянулъ на окружающихъ, словно при всѣхъ ему выразили похвалу за его труды.

— Ладно, значитъ и меня, и Григорія

Петровича вы принимаете въ свою семью. А вотъ какъ же быть съ тѣмъ человѣкомъ, который живетъ въ городѣ и работаетъ, допустимъ, на ситцевой фабрикѣ? Принадлежитъ онъ къ народу или нѣтъ? Въ деревнѣ онъ съ роду не бывалъ, хотя отецъ его и былъ крестьяниномъ когда то.

— Крестьянинъ и рабочій это одно и тоже,—отвѣтилъ Иванъ Степановичъ.

— Правильно! Мы противъ господъ, супротивъ баръ, а не противъ труждающихся!—загудѣло разомъ нѣсколько голосовъ.

— Такъ, и я вполнѣ согласенъ съ вами, что рабочій принадлежитъ къ народу. Ну, а вотъ отецъ Павелъ, вашъ священникъ, онъ принадлежитъ къ народу? — посмотрѣлъ я на Ивана Степановича.

— Батюшка то?—кто то замахнулся изъ толны, но тотчасъ же и остановился, словно испугался своихъ словъ.

Иванъ Степановичъ медлилъ отвѣтомъ. Я зналъ, что онъ былъ не совсѣмъ въ ладахъ со священникомъ.

— Этакъ пожалуй вы всѣхъ переберете?—криво улыбаясь, попробовалъ онъ увильнуть отъ отвѣта.

— И переберу!—рѣшительно заявилъ я,—потому что намъ очень важно знать—кто принадлежитъ къ народу, кто—нѣтъ.

Иванъ Степановичъ провелъ рукой по волосамъ, посмотрѣлъ въ толпу, какъ бы ища поддержки, и наконецъ отвѣтилъ:

— И батюшку можно присоединить къ народу.

Въ толпѣ начали улыбаться и перешептываться.

— Ну, за одно ужъ и про купца спрашивайте! — храбро заявилъ онъ, обводя толпу смущеннымъ взоромъ.

— И про купца спрошу, потому что и это не послѣдній человѣкъ въ нашей хозяйственной жизни, и съ нимъ приходится очень и очень считаться.

— Ну, ужъ на счетъ этого напрасно хлопотать станете. Кулаковъ, міроѣдовъ и спекулянтовъ всякихъ, которые весь вѣкъ обирали мужика, а теперь еще и пуще принялись грабить, намъ не надо!

И имъ земли? Никогда этого не будетъ!—горячо воскликнулъ Иванъ Степановичъ.

— Такъ ли смотрите? Этакъ вы и помѣщика-барина выкините изъ народной семьи, а вмѣстѣ съ нимъ, пожалуй, и чиновника за шиворотъ да на улицу, потому что и отъ чиновниковъ, а особенно отъ полиціи, порядочно таки терпѣли крестьяне.

— И ихъ вонъ! Какой это народъ? Это—захребетники, паразиты!

— Правильно!—поддержали слушатели.

— Ну, хорошо. Разъ вопросъ ставится ребромъ, то надо будетъ обсудить его серьезно: что собственно представляетъ изъ себя народъ, кто имѣетъ право принадлежать и принадлежитъ къ нему, кто—нѣтъ, и по какимъ такимъ свойствамъ или качествамъ,—заявилъ я.

— Ну и будемъ,—согласился Иванъ Степановичъ.

— Начнемъ по порядку. Что такое народъ? Говорятъ и пишутъ: „Государство

Россія", „русскій народъ". Мы, здѣсь собравшіеся все русскіе. А вотъ рядомъ есть Казанская губернія чисто татарская. Есть Лифляндія, гдѣ живутъ латыши, есть десять губерній, гдѣ живутъ поляки и столько же губерній, гдѣ живутъ украинцы или малороссы. Составляютъ они русскій народъ или нѣтъ? Когда говорятъ про русскій народъ, кладутъ ихъ въ расчетъ или нѣтъ? Какъ вы думаете, Иванъ Степановичъ?

— А я такъ думаю, что и татары, и поляки, и латыши, и малороссы—тоже народъ.

— И вы такъ думаете?—посмотрѣлъ я на окружающихъ.

— Вѣстимо такъ. Куда же ихъ? Не туркамъ же отдать?—пробасилъ кто-то.

— Согласенъ. Значитъ, что же такое русскій народъ? А, повидимому, будетъ такъ: Русскимъ народомъ будетъ называться и называется вся совокупность людей, изстари живущихъ въ предѣлахъ русскаго государства, добровольно подчиняющихся его законамъ и власти, и несущихъ государственныя повинности. Согласны вы съ такимъ опредѣленіемъ народа или нѣтъ? посмотрѣлъ я на Ивана Степановича.

— Согласенъ, подумавъ отвѣтилъ онъ.

— Вотъ и прекрасно. А если вы съ этимъ согласны, то должны будете черезъ это согласиться и съ тѣмъ, что и купецъ, и чиновникъ, и полицейскій тоже принадлежатъ къ русскому народу, тоже составляютъ часть русскаго народа.

— Какъ это такъ?

— А очень просто. Разъ русскій народъ составляютъ всѣ живущіе въ предѣлахъ Русскаго Государства, подчиняющіеся его законамъ и его власти, и несущіе государственные повинности,—то, конечно, къ народу придется отнести и купца, и чиновника, и полицейскаго, и священника, и учителя, и доктора и проч., такъ какъ, хотя они и не принадлежатъ къ крестьянамъ, но всѣ живутъ въ Россіи и подчиняются ея законамъ. Вѣдь и купецъ не на лунѣ живетъ, а тоже въ Россіи, подчиняется русской власти и исполняетъ требованія русскаго закона, несетъ воинскую повинность, платитъ налоги, какъ и всѣ прочіе. Какое же имѣется основаніе исключать его изъ народа? Если онъ совершилъ преступленіе, вредитъ государству и обществу, тогда законный судъ самъ исключитъ его изъ числа свободныхъ и равноправныхъ гражданъ и засадитъ въ тюрьму, а до этого—онъ такой же, какъ и всѣ, полноправный гражданинъ русскаго государства и сынъ русскаго народа.

Значитъ правильно ли ваше утвержденіе, что купецъ не принадлежитъ къ народу? Не правильно.

Правда, крестьянъ у насъ приходится почти восемьдесятъ чел. на каждую сотню населенія, а всѣхъ остальныхъ сословій только двадцать человѣкъ на сотню, значитъ въ четыре раза меньше, но всетаки, какъ видимъ, нѣтъ основанія сказать—русскій народъ только крестьяне. Говорить

такъ можно, не понимая слова народъ и несправедливо присваивая себѣ все, а другимъ не давая ничего; говорить такъ, это значитъ совершать ту же несправедливость, противъ которой мы недавно такъ настойчиво боролись въ старомъ государственномъ строѣ. Согласны съ этимъ, господа?

— Извѣстно такъ,—отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Мужикъ и въ дворяне захотѣлъ. Ну только это намъ не надо, замѣтилъ бойкій счетоводъ кредитнаго товарищества. Иванъ Степановичъ слегка покосился въ его сторону, но ничего не возразилъ.

— Ежели всѣ равны, такъ ужъ тутъ нечего и говорить,—поддержалъ счетовода сторожъ волостного правленія, инвалидъ Турецкой кампаніи.

— Итакъ, господа, я вижу, что мы всѣ согласны, что русскій народъ не крестьяне только и не русскіе только, а и всѣ другіе люди безъ различія вѣры и языка, проживающіе въ предѣлахъ русскаго государства, несущіе государственные повинности и подчиняющіеся законамъ и власти русскаго государства, будетъ-ли то коренной русскій, будетъ-ли то татаринъ, еврей, латышъ, вотякъ или самоѣдъ.

А вотъ теперь, когда мы разобрали вопросъ о народѣ, будемъ разсуждать и о землѣ, какъ понимать слова: „вся земля—всему народу“. Теперь ужъ намъ легче будетъ установить: кто имѣетъ право на

землю, кто не имѣетъ этого права, кто будетъ пользоваться ею, кто не будетъ.

Какъ вы на этотъ счетъ думаете, Иванъ Степановичъ? Спросилъ я своего пріятеля.

— Какъ думаю? Конечно, пользоваться землей будетъ, тотъ кто самъ пашетъ. Тутъ и говорить нечего. Неужели и теперь мы дадимъ владѣть нашей кормилицей тому, кто живетъ за границей, въ разныхъ Италіяхъ и Парижахъ? А мы будемъ работать на него, трудовыя денежки ему посылать? Шалишь, эти времена прошли! Теперь не вывернется. Вотъ во многихъ мѣстахъ, слышно, землю ужъ поотбирали отъ помѣщиковъ сами мужики. Ну, это я не одобряю. Это тоже самоуправство. А вотъ въ Учредительномъ Собраніи не уступимъ! Земля—народу! и больше никакихъ! Довольно работать на чорта, пора на себя работать. Сотни годовъ кормили и поили барина, сотни годовъ везли его на своей спинѣ. Слѣзай, господинъ хорошій! Пора и честь знать. Земля должна быть отдана крестьянину. Пусть пашетъ мужичокъ, пущай лелѣетъ ее кормилицу, пущай хоть теперь порадуется на широкой свободной полоскѣ! Заслужилъ онъ это. Охъ какъ заслужилъ! И говорить нечего. Каждая песчинка, каждый кусочекъ потомъ крестьянскимъ политы, а можетъ и слезами горючими... Да, еще и теперь отдать? Не приведи, Мать Святая! Умремъ—не уступимъ!

Иванъ Степановичъ сказалъ это съ такимъ искреннимъ воодушевленіемъ, что собраніе, какъ одинъ человѣкъ, воскликнуло:

— Вотъ это правильно! Молодчина, Иванъ Степановичъ! Тебя и пошлемъ въ Петроградъ, въ это самое Собраніе. Ратуй тамъ за мужика, какъ здѣся ратуешь!

Иванъ Степановичъ остановился, лицо поблѣднѣло, глаза пылали огнемъ вдохновенія, были строги и въ то же время радостны. Видимо, человѣкъ говорилъ отъ души давно надуманныя, завѣтныя мысли и пріятно ему было слышать такое единодушное одобреніе односельчанъ.

— Вы кончили свою рѣчь?—Спросилъ я Ивана Степановича, когда возбужденіе собранія поулеглось.

— Пожалуй кончилъ. Чего больше то! Земля крестьянину—пахарю, и все тутъ?— Онъ провелъ рукой по лицу, слегка улыбнулся и сѣлъ.

— А вотъ я съ этимъ не могу согласиться, возразилъ я Ивану Степановичу.

Собраніе сразу притихло и насторожилось. Я почувствовалъ дуновеніе враждебнаго вѣтерка.—Вы говорите: земля крестьянину пахарю, и все тутъ,—храбро продолжалъ я.—А вотъ, если я—инструкторъ—захочу оставить свое дѣло инструктора и заняться сельскимъ хозяйствомъ, потому что городъ и вѣчные разъѣзды мнѣ уже достаточно надоѣли, могу я получить клочекъ земли, по уравнительной развертцѣ или нѣтъ? Вѣдь если согласиться съ вами, что земля—только крестьянину, такъ выходитъ, мнѣ, какъ не крестьянину, разсчитывать на нее нечего, и я весь вѣкъ долженъ жить въ городѣ и оставаться инструкторомъ, или

тамъ чѣмъ другимъ, и не мечтать о землѣ, а я родился и выросъ въ деревнѣ и люблю ее не меньше крестьянина. За что же такая несправедливость ко мнѣ? Чѣмъ я провинился и предъ кѣмъ, что-бы можно было лишить меня одного изъ главнѣйшихъ правъ русскаго гражданина? Вѣдь сейчасъ мы только что согласились что: и я, и Григорій Петровичъ, и священникъ и даже купецъ тоже принадлежимъ къ русскому народу и должны быть причислены къ русскимъ гражданамъ, а теперь говорите, что вотъ земля, такъ только крестьянину, и больше никому. Неужели въ свободномъ государствѣ, въ новой свободной Россіи будутъ привилегіи и преимущества, какъ онѣ были при старомъ самодержавномъ деспотическомъ строѣ? Одни будутъ имѣть все, а другіе ничего? Какъ хотите этого не должно быть, потому что, если мы оставимъ преимущества и привилегіи хотя бы только за сотней гражданъ, то уже и не будетъ равенства, не будетъ и свободы. Такъ, Иванъ Степановичъ?

Онъ молчалъ.

— Что же, это опять всю землю раздать кому придется?

— Нѣтъ, этого не будетъ!—прозвучалъ рѣшительный и недружелюбный голосъ изъ толпы.

— Нѣтъ, я этого не говорю, чтобы раздавать кому придется,—возразилъ я новому собесѣднику.

— Вамъ отдай, другому отдай, опять

мужику ничего не останется! продолжалъ тотъ же голосъ.

— Я говорю только то, продолжалъ я не смущаясь, что если отдать всю землю только крестьянамъ, такъ опять у насъ не будетъ равенства, а не будетъ равенства не будетъ и свободы. Какъ до сихъ поръ по помѣщичьей землѣ нельзя было ходить безъ разрѣшенія помѣщика, такъ теперь нельзя будетъ нигдѣ пройти безъ разрѣшенія крестьянина. Вмѣсто помѣщика, дворянина, купца будетъ помѣщикъ крестьянинъ. А такъ какъ есть и въ крестьянствѣ люди всякіе—хорошіе и худые, то и получится старое ненавистное крѣпостное право. „Хочешь пойти по моей землѣ,—плати! Хочешь пользоваться моей землей—работай на меня“!

Вотъ вѣдь, что можетъ получиться. Согласны вы съ этимъ? Развѣ мы для этого добивались свободы и равенства?

— Ну, этого не будетъ. Мужикъ николи не захочетъ быть бариномъ.

— А что мужикъ не человѣкъ, а ангелъ что-ли? Возразилъ я.

— За всѣхъ заручаться нельзя, это напрасно. Наконецъ, кто-то согласился и со мной.

— Всякій народъ есть.—Пальца въ ротъ тоже не клади и тебѣ, Никита Павловичъ.

Повеселѣло у меня на умѣ, значитъ говорить можно, есть и со мной согласные.

— Господа, вѣдь и въ книжкахъ, о которыхъ мы говорили, сказано: „вся земля—всему народу“. Вѣдь не сказано

такъ, что вся земля только крестьянамъ. Правда?

— Правда.

— Стало быть и та партія, старая русская революціонная партія соціалистовъ-революціонеровъ, которая первая и заговорила громко, не боясь царей, не боясь тюрьмы, что земля должна принадлежать трудящемуся народу, не учила и не учитъ тому, что земля должна принадлежать только крестьянамъ, и больше никому.

Помните, когда мы разбирали—что такое русскій народъ, такъ вѣдь всѣ мы согласились тамъ, что русскій народъ составляютъ всѣ, кто живетъ въ предѣлахъ русскаго государства, кто подчиняется его власти и законамъ, и несетъ всѣ повинности, установленныя для гражданъ государства.

Такъ вѣдь? Тамъ мы перечисляли не только инструкторовъ и учителей, но и священниковъ, и кущовъ, и рабочихъ, и докторовъ, не исключая ни поляковъ, ни евреевъ, ни татаръ, ни чувашъ.

А разъ это такъ, и разъ сказано; „вся земля—всему народу“, то ясно изъ этого, что право на землю должны имѣть не одни крестьяне, а и всѣ другіе граждане русскаго государства. И спорить съ этимъ, по моему, прямо даже грѣшно. Какъ воздухъ и вода, безъ которыхъ нельзя обойтись ни одному человѣку, такъ и земля, должна принадлежать всѣмъ и каждому, т. е. всему народу.

Вотъ другой вопросъ—кто долженъ пользоваться землей сейчасъ, чьею собственностью она быть должна, это—да, тутъ, пожалуй, я съ вами и соглашусь.

Вѣдь далеко не одно и тоже имѣть право на землю и на самомъ дѣлѣ пользоваться ею для сельскаго хозяйства, для той или иной выгоды.

Мнѣ думается этотъ вопросъ долженъ быть рѣшенъ такъ: *вся земля принадлежитъ всему народу безраздѣльно, и только народу, но пользоваться ею можетъ всякій, кто самъ собственными руками обрабатываетъ ее, кто живетъ сельскимъ хозяйствомъ, имѣя въ этомъ свое пропитаніе.* Это будетъ правильнѣе, потому что справедливѣе и безобиднѣе для всѣхъ, и не нарушитъ великихъ принциповъ равенства и свободы.

„Вся земля всему народу“, надо такъ понимать: *отнынѣ должно быть уничтожено дѣленіе земли на казенную, удѣльную, помѣщичью, монастырскую, крестьянскую и проч., вся земля должна считаться народной, изъ рукъ частныхъ владѣльцевъ должна перейти къ народу, въ вѣдѣніе государства, къ своему единому настоящему хозяину—къ народу; но вотъ пользоваться то ею будутъ только тѣ изъ народа русскіе граждане, которые издстари работали и работаютъ на землѣ и жили ею, значитъ, въ первую голову—крестьяне, сначала, конечно, получатъ землю крестьяне безземельные, потомъ малоземельные, а потомъ и всѣ другіе*

изъ гражданъ, которые пожелаютъ оставить свои прежнія занятія или и не оставляя ихъ, найдутъ возможность заняться сельскимъ хозяйствомъ и самолично обработывать кусокъ земли, соотвѣтствующій ихъ силамъ и не превышающій того, что приходится по уравнительной разверсткѣ.

Значитъ, если я захочу пахать землю, или напримѣръ захочу заняться садоводствомъ, берясь вести дѣло своими личными трудами, безъ постороннихъ наемныхъ людей, не эксплоатируя чужого труда, какъ говорятъ ученые, если рѣшитъ поступить также и Григорій Петровичъ, или священникъ, наконецъ даже и купецъ,—такъ и я не лишаюсь права на землю, не должны быть лишены этого права и лица другихъ сословій.

Поняли въ чемъ тутъ дѣло? Ясно для васъ, что я хочу сказать, или нѣтъ? Посмотрѣлъ я на окружающихъ.

Слушатели сидѣли понуро и видимо не раздѣляли моихъ мыслей.

— А какъ вы, Иванъ Степановичъ? тронулъ я за рукавъ своего непримиримаго пріятеля.—И вы, я вижу, не согласны со мной?

— Да, не совсѣмъ таки,—мотнулъ онъ головой.

— Я вижу чѣмъ васъ пугаетъ такое рѣшеніе вопроса,—вы боитесь, что снова землю разберутъ другіе и крестьянину останутся прежніе жалкіе клочки? Да? Такія страхи, господа, совершенно не основательны. Напрасно крестьяне боятся

этихъ другихъ, ихъ будетъ такъ мало, что они будутъ такъ же незамѣтны и нечувствительны въ общей массѣ крестьянства, какъ незамѣтна песчинка на берегу моря, какъ незамѣтно дерево въ лѣсу. Ну, скажите пожалуйста, какой чиновникъ согласится бросить свой департаментъ, бѣлые воротнички, мундиръ и свѣтлыя ботинки и взяться за рогаль, бродить съ утра до ночи за сохой, топтаться въ лаптяхъ, лачкаться въ грязи? Навѣрняка можно сказать, что такихъ чиновниковъ и сотни не найдется на всю Россію. Или опять же взять купца. Ну какой купецъ, даже плохенькій, промѣняетъ свой прилавокъ и аршинъ на соху и полосу, на дымный овинъ, на молотило? И опять съ увѣренностью можно сказать, что такихъ даже и не найдется вовсе. И священникъ не согласится на это, потому что вѣдь это и трудно, да не такъ ужъ и прибыльно.

Вѣдь заманчиво было сельское хозяйство и для купца, и для помѣщика, и для священника, пока возможно было обрабатывать землю чужими руками и можно было забрать земли сколько угодно. А разъ теперь будетъ установлено, какъ общее правило, что земли можно будетъ брать лишь столько, сколько приходится по уравнительной развёрсткѣ, и въ томъ лишь случаѣ, если человѣкъ берется обработывать землю своими руками,—такъ ужъ вся заманчивость для людей наживы и пропадаетъ. Отъ шести, отъ семи десятинъ много не заработаешь,

капиталовъ не наживешь и палатъ каменныхъ не построишь. Это и говорить нечего. А ежели такъ, то и интересу нѣтъ безпокоиться и бросать другое болѣе прибыльное и легкое дѣло.

Съ этимъ то вы согласны, Иванъ Степановичъ? посмотрѣлъ я на сосѣда.

— Съ этимъ, пожалуй, можно согласиться,—уже болѣе дружелюбно отвѣтилъ онъ. Опасенія его, видимо, стали разсѣиваться.

— А неужто по шесть десятинъ только на душу придется?—испуганно бросилъ изъ толпы старый мой противникъ.

— А вы какъ думали, больше? Хотя я это говорю къ примѣру, но и на самомъ дѣлѣ врядъ ли больше придется. При уравнительной разверсткѣ, при опредѣленіи нормы душевого владѣнія въ Учредительномъ Собраніи, будутъ брать во вниманіе, конечно, все населеніе Россіи, не исключая: ни чиновниковъ, ни купцовъ, ни рабочихъ, ни поляковъ, ни евреевъ, и даже положатъ въ счетъ, вѣроятно, и женщинъ, такъ какъ вѣдь и имъ дано равноправіе, да въ этомъ смыслѣ высказываются и крестьянскіе съѣзды.

„Всѣ граждане и гражданки имѣютъ равное право на пользованіе землею при условіи обработки ея личнымъ трудомъ въ предѣлахъ не свыше трудовой нормы“, —гласитъ резолюція съѣзда крестьянскихъ депутатовъ Московской губерніи.

А вотъ и постановленіе съѣзда кресть-

янъ Казанской губерніи. „Всѣ земли, какъ-то: монастырскія, удѣльныя, казенныя, церковныя, кабинетскія и всѣ частновладѣльческія конфискуются и обращаются въ общенародное достояніе для пользованія его безвозмездно *всѣмъ желающимъ обработывать ее личнымъ трудомъ* на уравнительныхъ началахъ—по нормамъ, установленнымъ Учредит. Собраніемъ".

(Казанская рабочая газета № 28).

Всего населенія въ Россіи сейчасъ 180 милліоновъ душъ, а удобной земли, если считать и Сибирь, и Кавказъ, и Среднюю Азію, врядъ ли тысяча милліоновъ десятинъ наберется. Въ Европейской Россіи до сихъ поръ считали около 400 милліоновъ только, и казенныхъ, и помѣщичьихъ и крестьянскихъ и удѣльныхъ и монастырскихъ *). Ну, предположимъ, что азіатскія владѣнія дадутъ вдвое больше, такъ и тутъ всей земли наберется не болѣе 1200 милліоновъ десятинъ, значитъ, не больше шести—семи десятинъ на душу. Но въ томъ числѣ вѣдь будутъ еще и всѣ лѣсныя, и песчаныя и глинистыя земли, и овраги и болота, значитъ въ общемъ удобной то земли ужъ не такъ-то много достанется—десятины по три, по четыре, не больше. Но и это бы хорошо. Это совсѣмъ не такъ мало—четыре десятины на душу, на 5 душъ средней семьи уже двадцать десятинъ. Я боюсь, что на самомъ дѣлѣ удобныхъ земель окажется значительно меньше.

*) На основаніи цыфр. данныхъ книги П. Маслова „Аграрный вопросъ въ Россіи".

— А зачѣмъ же бабъ то считать?—задалъ кто-то новый вопросъ.—Баба за мужикомъ живетъ. Какой ей надѣлъ и какой она пахарь?—добавилъ другой собесѣдникъ.—Хоша она теперь и бродитъ за сохой, такъ вѣдь это—горе одно, а не пашня.—Прямо сказать—порча земли, и больше ничего!

— Бабамъ земли не надо!—Заявилъ и третій,—бабье дѣло—горшки да за скотиной присмотрѣть, ребятишекъ няньчить. А нако ты, еще и земли ей давай! Да тутъ и не сообразишь съ ней. Сладу не будетъ!

—Правильно! Правильно!—Гудѣла толпа.

— По нашему, можетъ быть, и такъ, да вотъ другіе то по иному думаютъ,—замѣтилъ я,—и въ Учредительномъ Собраніи могутъ рѣшить тоже по иному. Не надо забывать, что и женщинамъ дано равноправіе, а стало быть онѣ будутъ выбирать и въ Учредительное Собраніе. Ихъ вѣдь много. Онѣ могутъ и женщинъ послать туда, а если не женщинъ, такъ такихъ людей, которые будутъ въ Учредительномъ Собраніи защищать право женщинъ на землю.

— Какое тутъ ей избирательное право?.—Опять закричали въ толпѣ.—Да она первая отъ земли откажется—баба-то! Потому, куда ей съ ней дѣваться? Совсѣмъ не куда. Гдѣ ей самой обработывать? И статочное ли это дѣло? И все это—пустое времяпрепровожденіе, и больше ничего.

— Ну, всякія и женщины есть,—возра-

зилъ я. Есть такія, что и мужику не уважатъ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Америкѣ, въ Австраліи и даже у насъ въ Финляндіи, нѣсколько лѣтъ какъ женщины пользуются равными правами съ мужчинами и худа отъ этого нѣтъ, напротивъ, получается большая польза. Вотъ, наприм., что говорится по этому вопросу штатомъ Вомингъ, Сѣверо-Америк. Соед. Штатовъ, въ обращеніи къ англичанамъ, когда въ Англіи возникъ вопросъ о равноправіи женщинъ.

„Вопреки предсказаніямъ, право женщинъ пользоваться политическими правами въ теченіе четверти вѣка (съ 1893 года) не принесло намъ никакого вреда. Напротивъ, оно было благотворно во многихъ отношеніяхъ. Оно содѣйствовало уничтоженію преступности, нищенства, порока,— и все это безъ помощи насильственнаго законодательства; привело къ мирнымъ, упорядоченнымъ выборамъ, хорошему управленію и подняло въ значительной мѣрѣ культурность и общественный порядокъ... И въ результатѣ нашего опыта мы убѣждаемъ всѣ цивилизованныя общества на землѣ дать безотлагательно право голоса женщинамъ“.

Стало быть и намъ бояться нечего, а въ земельномъ вопросѣ—и подавно.

Вѣдь и женщинѣ, какъ купцу и чиновнику, дадутъ землю подъ тѣмъ лишь условіемъ, если она сама сможетъ обработать ее безъ наемныхъ рукъ. Полагаю, не иначе. А стало быть большой опасно-

сти нѣтъ. Охотницъ пахать найдется очень мало. Но не дать права женщинамъ на-землю нельзя еще и потому, что это будетъ несправедливо. Не всѣ женщины замужъ выходятъ, не всѣ и съ горшками возятся. Какъ же загораживать ей дорогу къ землѣ, если она сельскимъ хозяйствомъ заниматься хочетъ? И при томъ у одного крестьянина, бываетъ, родятся все парни, а у другого дѣвицы. У перваго будетъ земли съ избыткомъ, а второй бѣдствовать долженъ. Тоже несправедливо.

Но и это будетъ рѣшать Учредительное Собраніе, то есть голосъ всей Русской земли, и спорить съ нимъ не придется. Какъ онъ рѣшитъ, такъ и будетъ. Оно-же—Учредительное Собраніе—будетъ рѣшать и вопросъ о томъ: отбирать ли земли помѣщичьи съ выкупомъ или безъ выкупа, платить за сельско-хозяйственныя орудія и за племенной скотъ или не платить. Тутъ вопросовъ много, и дѣло это очень сложное. Поэтому-то Учредительное Собраніе и имѣетъ такое важное значеніе, поэтому-то и слѣдуетъ съ большой осторожностью, съ самымъ строгимъ разборомъ, посылать туда депутатовъ.

Тамъ не только будутъ рѣшать—кому править въ Россіи—царю ли по прежнему или народу, быть ли у насъ монархіи или демократической республикѣ, не только о правахъ гражданъ, о свободѣ и вѣрѣ будутъ толковать, но будутъ рѣшать и земельный вопросъ, который въ Россіи очень важный вопросъ, потому что почти восемь десятыхъ всего населенія страны

живетъ землей и занимается сельскимъ хозяйствомъ.

— Ну, на счетъ платы помѣщикамъ—тоже сорвется,—строго замѣтилъ Иванъ Степановичъ.—Взять хотя бы и нашего князя. Онъ всю жизнь пользуется землей, да и отцы его пользовались, и мало землей еще и даровымъ трудомъ крестьянскимъ пользовались, да плати ему! Нѣтъ, не платить ему мы должны или тамъ казна, а онъ самъ еще долженъ заплатить за незаконное пользованіе землей. Вотъ какъ!

Или взять хоша бы опять и купца Стахѣева. Ему за что платить? Купилъ онъ имѣнье, говорятъ, за сорокъ тысячъ, а въ немъ въ имѣньи-то больше тысячи десятинъ. Одного лѣсу на пять верстъ.

Въ первые же два года онъ лѣсу и дровъ продалъ можетъ больше, чѣмъ на всѣ эти сорокъ тысячъ. Вотъ и считай почемъ она ему пришлась земля-то. Да ужъ больше пятнадцати годовъ пашетъ и хлѣбъ продаетъ. Земля хорошая, урожайная. Опять за пятнадцать-то годовъ полсотни тысячъ нажилъ.

Такъ за что-же ему платить?

Нѣтъ, я не согласенъ на это... Да и врядъ ли кто изъ мужиковъ согласится,—рѣшительно добавилъ онъ.

— А если человѣкъ только что купилъ землю, заплатилъ деньги, а воспользоваться ею не успѣлъ, тутъ какъ быть?—задалъ я вопросъ Ивану Степановичу.

— Пусть возвратятъ ему деньги.

— А кто возвратитъ? Деньги-то я полу-

чилъ да ужъ издержалъ, съ меня взятки-гладки...

Иванъ Степановичъ задумался.

— А потомъ очень много помѣщичьихъ земель заложено въ дворянскомъ земельномъ банкѣ, много заложено земель и въ крестьянскомъ банкѣ, и въ частныхъ банкахъ, банки же, какъ извѣстно, существуютъ на деньги пайщиковъ и вкладчиковъ. И вотъ если отобрать всѣ земли безъ выкупа, то всѣ эти пайщики и вкладчики должны разориться, потому что банки обанкротятся. А вкладчиками въ банкахъ состоятъ не одни богатые люди, много есть и людей средняго достатка, вложившихъ туда дѣйствительно трудовыя деньги

Видите, какой это сложный и трудный для рѣшенія вопросъ. Мало сказать—вся земля—всему народу, но и отобрать то, оказывается, вовсе не просто, а про распредѣленіе и говорить нечего. Побьются надъ этимъ и умныя головы досыта. Ну, представьте себѣ, что вотъ въ нашей губерніи много помѣщиковъ, много и удѣльныхъ земель; если передать всю землю крестьянамъ, такъ въ разъ по семь десятинъ на душу придется, не исключая и женщинъ. А въ сосѣдней губерніи мало помѣщиковъ, удѣльныхъ же и казенныхъ земель совсѣмъ нѣтъ. Какъ было по двѣ—по три десятины на мужскую душу, такъ и остается. Тутъ какъ быть? Имъ откуда земли достать до справедливой нормы?

Или опять возьмемъ такой примѣръ: около одного помѣстья три деревни. Если подѣлить на всѣхъ землю помѣщика—мало,

а отдать одной деревнѣ—впору, но обидно. Которой изъ трехъ деревень отдать? И какъ быть съ другими двумя деревнями? Тутъ, знаете, такая многотрудная вещь, что и въ три, и четыре года ее не уладить, а не то что въ мѣсяцъ. Несомнѣнно одни, оставаясь на мѣстѣ, получатъ достаточную прирѣзку земли до уравнительной нормы, а другимъ придется выселяться и ѣхать быть можетъ за сто, а можетъ быть и за тысячу верстъ. На чей счетъ они поѣдутъ? Кто будетъ помогать имъ на новыхъ земляхъ устроиться? А потомъ—какъ уравнять земли хорошія и плохія, холодныя, глинистыя и песчаныя земли сѣверныхъ губерній и земли южныхъ губерній съ богатѣйшимъ черноземомъ? И такъ далѣе. Видите, сколько тутъ вопросовъ всякихъ, какая можетъ получиться путаница, если взяться за дѣло зря, безъ предварительной подготовки, безъ плана, безъ общаго согласія. Не только много путаницы можетъ выйти, но можетъ выйти страшное междуусобіе. Одна деревня будетъ говорить: эта земля должна принадлежать мнѣ, другая—мнѣ. И сразу дѣло дойдетъ до драки. Поэтому-то всѣ благоразумные люди и совѣтуютъ подождать съ разрѣшеніемъ земельнаго вопроса до Учредительнаго Собранія и ни въ коемъ случаѣ не совѣтуютъ отбирать и дѣлить землю сейчасъ самовольно. Храни Богъ! Къ этому призываетъ и Временное Правительство. Пока не будетъ установлено Учредительнымъ Собраніемъ настоящаго твердаго закона о землѣ, и прикасаться

къ ней нельзя. Терпѣли сотни лѣтъ, потерпѣть нѣсколько мѣсяцевъ и Богъ велитъ да и не тяжело.

Почему не тяжело? Да потому, что теперь каждый крестьянинъ можетъ быть вполнѣ увѣренъ, что земля уже отъ него не уйдетъ.

— Еще терпѣть и ждать? Спасибо! Сто годовъ терпѣли!—выкрикнулъ изъ толпы старый мой противникъ.

— Терпи, пожалуй,—а помѣщики той порой вырубятъ лѣса, соберутъ хлѣбъ и продадутъ, размотаютъ скотъ и все прочее—оставятъ голое мѣсто.—Вотъ и жди!—поддержалъ его другой собесѣдникъ.—И то есть ужъ довольно. Племенной скотъ и мясникамъ продаютъ. Есть и землю не засѣваютъ. Пожди, такъ армія и безъ хлѣба насидится.

— Господа, но вѣдь это же рѣдкіе единичные случаи и происходятъ отъ того, что помѣщики напуганы, боятся, что все у нихъ отберутъ безплатно. Но скажи имъ крестьяне, скажи имъ Временное Правительство, что за хлѣбъ имъ заплатятъ, за скотъ заплатятъ, за сельско-хозяйственныя орудія заплатятъ, и повѣрьте, очень мало найдется среди нихъ такихъ дикарей, которые во что бы то ни стало будутъ истреблять и хлѣбъ, и лѣса и скотъ. Да, наконецъ, вѣдь есть и власть, есть уѣздные и волостные комитеты, они могутъ и должны слѣдить за тѣмъ, чтобы и помѣщичье хозяйство не нарушалось, такъ какъ теперь оно становится уже народнымъ достояніемъ, могутъ у

такого помѣщика и отобрать землю. Но это сдѣлаетъ законная власть, въ этомъ будетъ порядокъ. Вѣдь и крестьяне далеко не всѣ такъ думаютъ, что у помѣщиковъ все надо отбирать безплатно. Вотъ, напримѣръ, Казанскій раіонный отдѣлъ крестьянскаго союза 30-го апрѣля постановилъ въ общемъ собраніи: „Сельскохозяйственный инвентарь (сельско-хозяйственныя орудія, скотъ) отчуждается за плату. Неиспользованная еще меліорація почвы (т. е. земельныя улучшенія) вознаграждается".

Изъ двухъ золъ всегда выбираютъ меньшее. Конечно нежелательно потерять племенной скотъ, сельско-хозяйственныя орудія и проч., хотя еще скажу—это не повсюду и не цѣликомъ, но вѣдь и преждевременный самовольный дѣлежъ земли опасенъ еще и тѣмъ, что онъ взбудоражитъ армію, взволнуетъ солдатъ и отвлечетъ ихъ отъ великаго и неотложнаго дѣла защиты родины.

Представьте себѣ, вдругъ на фронтѣ узнали бы, что въ деревняхъ крестьяне принялись отбирать земли у помѣщиковъ и дѣлить ихъ между собою! Знаете, какимъ ударомъ это было бы для арміи, которая на три четверти состоитъ изъ крестьянъ? Да солдаты сразу же побросали бы оружіе и поспѣшили домой изъ боязни, что подѣлятъ землю безъ нихъ и имъ ничего не останется. Въ нѣсколько дней фронтъ останется безъ солдатъ, а стало быть и безъ защиты. А врагу только этого и надо. Тогда ужъ ему никакой

преграды не будетъ, хоть иди до Москвы. Поэтому-то всякій, кто призываетъ крестьянъ къ немедленному раздѣлу помѣщичьихъ земель, не дожидая окончанія войны и солдатъ съ фронта, не дожидая рѣшенія вопроса Учредительнымъ Собраніемъ, по моему мнѣнію, есть человѣкъ или плохо отдающій себѣ отчетъ въ событіяхъ, или явно злонамѣренный, нарочно вносящій разладъ въ народную среду и тѣмъ открыто помогающій врагамъ. Согласны съ этимъ, господа?

— Да, это правильно,—тяжело вздохнувъ, первымъ отозвался Иванъ Степановичъ.—Я тоже не разъ ужъ говорилъ на сходѣ объ этомъ. И слава Богу, большинство на моей сторонѣ. А есть и такіе, которымъ сейчасъ вынь да положь, подай землю, и шабашъ! Ничего ему не втолкуешь. Ничего не хочетъ слушать.

— Вѣстимо понимаемъ, что не время и надо ждать,—отозвались изъ толпы.—Есть и пословица: поспѣшишь—людей насмѣшишь.

— Такъ на чемъ же, господа, мы порѣшимъ?—обратился я къ собранію.—Согласны вы со мной въ томъ, что право на землю долженъ имѣть каждый гражданинъ Россіи и что, если кто захочетъ возиться съ сохой, такъ будь то чиновникъ, будь то учитель, будь купецъ,—земли ему слѣдуетъ давать, или не согласны?

Собраніе притихло.

— Оно, конечно, если по совѣсти разсуждать, такъ будто бы и по вашему выходитъ. Ну, а всетаки обидно мужику.

Мужикъ весь вѣкъ пахалъ землю, потомъ, кровавымъ потомъ поливалъ ее кормилицу и отдай какому нибудь захребетнику! Обидно, что и говорить. Ну, а всетаки закрѣпить землю и за мужикомъ тоже нельзя. Дѣйствительно самое святое дѣло: хочешь кормиться по подобію праотца Адама, не жалѣешь рукъ и спины,—берись съ Богомъ! А не хватаетъ силы—отдай, отойди къ другому дѣлу! На что проще? И никому не обидно,—серьезно произнесъ пожилой крестьянинъ предсѣдатель кредитнаго товарищества.—*Земля Божія, земля ничья, и пользоваться ею можетъ всякій, но только такъ, чтобы отъ этого не было порабощенія одного человѣка другимъ, чтобы она матушка не была собственностью, чтобы никто не могъ торговать ею, покупать и продавать. Вотъ самое главное.* А не будетъ этого, не будетъ и земельнаго засилья и всѣмъ будетъ вольготно жить на бѣломъ свѣтѣ. Такъ ли я говорю?

— Такъ! Правильно! загудѣла толпа.

— Вы говорите: „обидно мужику, мужикъ весь вѣкъ пахалъ землю, потомъ обливалъ ее“,—замѣтилъ я предсѣдателю кредитнаго товарищества,—но вѣдь когда мы говоримъ: вся земля—всему народу и на основаніи этого считаемъ справедливымъ давать при извѣстныхъ условіяхъ часть земли въ пользованіе и не крестьянамъ, такъ вѣдь это не значитъ, что для какого нибудь купца станутъ отбирать коренную крестьянскую полосу, отбирать землю у общества. Несомнѣнно въ распо-

ряженіи Государства, какъ у губернскихъ земельныхъ комитетовъ, такъ и уѣздныхъ будутъ небольшіе запасы земли изъ земель государственныхъ, удѣльныхъ и помѣщичьихъ, изъ которыхъ и будутъ удовлетворяться просьбы лицъ не крестьянскаго сословія. А крестьянскія, общественныя земли несомнѣнно останутся у прежнихъ хозяевъ, т. е. у крестьянъ.

— Ну, а какъ же это тогда будетъ, ежели нельзя землю покупать и продавать?—выступилъ вдругъ изъ толпы старикъ, у котораго, какъ я зналъ, было до сорока десятинъ купленной земли.—Выходитъ, ужъ я и не хозяинъ. Выходитъ, кто захочетъ, тотъ и придетъ ко мнѣ и сгонитъ меня съ полосы и со двора? Это какъ же по вашему?—затрясъ онъ бородой. Слушаю, слушаю я васъ тутъ цѣлый уповодъ и вижу—вы все говорите неподобающее. Что же землю свою, выходитъ я, даромъ должонъ вамъ выбросить? Всѣ труды мои даромъ пропасть должны? Я ее пятнадцать годовъ устраивалъ да обряжалъ, лѣсъ и кустарники вычистилъ, распахалъ, удобрилъ, огородъ поставилъ, ночи не досыпалъ, спина скрючилась отъ натуги, сколько вѣку своего положилъ, а вы тутъ толкуете, что ни продавать, ни покупать нельзя. И выходитъ, я долженъ ее даромъ отдать! А самому-то мнѣ ее развѣ даромъ дали? Всѣ знаютъ сколько я ввалилъ за нее барину! Да я жизни рѣшусь, а не отдамъ вамъ ее! Слышали?

Не отдамъ! Лягу на полосу и не пущу! Пущай лошадь затопчетъ. Вотъ какъ!

Старикъ совсѣмъ разволновался, кричалъ, махалъ руками и все порывался впередъ, точно стараясь взлетѣть.

Но не успѣлъ онъ кончить, какъ ужъ разомъ нѣсколько голосовъ закричало ему:

— А ты не пользовался ей—землей то? Не продавалъ хлѣба?—Даромъ что-ли его отдавалъ? Ишь какой помѣщикъ нашелся! Выкупъ подай! Есть васъ кулаковъ...

— „Деньги ввалилъ“, а съ кого деньги-то собралъ, ты-то скажи! Кто заклады бралъ и не отдавалъ? Кто рубль за рубль бралъ процента? Чьими руками ты ни-то корчилъ и пахалъ на своей купленой землѣ? Ну-ка, скажи!—выступилъ противъ старика молодой мужикъ на костылѣ, недавно вернувшійся съ войны. Ну-ка, скажи!—пристукнулъ онъ костылемъ.—Самъ то ты больше распоряжался, а работалъ все нашъ же братъ-бѣднякъ за проценты тебѣ. Понялъ? И самъ я тебѣ десятинъ поди восемь вспахалъ цѣлины... И стыда нѣтъ у человѣка, а до старости дожилъ...

Старикъ все время порывался сказать что-то, начиналъ и замолкалъ: волненіе и горячій протестъ солдата не давали ему и слова сказать. Страсти разгорались. Собраніе волновалось словно лѣсъ, когда на него набѣжитъ буря.

Но старикъ не собирался уступать. Когда кончилъ солдатъ, онъ ужъ прямо закричалъ собранію:

— Хватайте! Грабьте! Чтобъ подавиться вамъ! Ты, костыль несчастный, бубнишь,

что пахалъ у меня, да ты даромъ это дѣлалъ? Не получалъ ты за это?—набросился онъ на солдата.—Тащилъ я тебя на веревкѣ? Не самъ ли ты шелъ и упрашивалъ взять тебя на пашню? Шантрапа несчастная! А тутъ тоже выскочилъ: мы-ста-да-я-ста! Теперь-то больно велики стали, а забылъ, какъ въ ногахъ валялся, просилъ денегъ на свадьбу? Забылъ? То-то вижу—забылъ. Извѣстно, когда тонетъ, такъ топоръ сулитъ, а вытащили, такъ и топорища жаль. „Пользовался“... ха-ха! Пользовался, а кто работалъ, кто заботился, сберегалъ все? Ты не пользуешься развѣ отъ своей полосы? Въ люди развѣ отдаешь? Благодѣтель!..

А солдатъ ужъ горѣлъ весь и видимо припасъ цѣлую кучу словъ, чтобы достойно отвѣтить своему противнику. Я видѣлъ это по глазамъ его, видѣлъ и то, что собраніе настраивается очень враждебно и потому рѣшилъ какъ нибудь остановить бурю. Я всталъ и рѣшительно заявилъ, перебивая старика:

— Вотъ что, господа, я вижу этакъ мы ни до чего хорошаго не договоримся. Позвольте мнѣ сказать по этому вопросу то, что обсуждалось и принято на большихъ собраніяхъ крестьянскаго союза. Это, быть можетъ, успокоитъ ту и другую сторону. Видите, какъ и ранѣе я говорилъ, вся земля должна принадлежать всему народу, должна быть въ распоряженіи государства, и больше никого. Но пользоватся ею будутъ въ первую очередь тѣ, кто изстари живетъ крестьян-

скимъ трудомъ, то есть крестьяне, а потомъ и всѣ прочіе, кто пожелаетъ заняться сельскимъ хозяйствомъ лишь своими силами, безъ посторонней наемной помощи, получая земли въ свое распоряженіе (точнѣе—въ пожизненное пользованіе, или пока человѣкъ въ силахъ работать и обрабатывать данную ему землю) столько, сколько придется по уравнительной разверсткѣ, или по трудовой нормѣ, приблизительно скажемъ пять-шесть десятинъ на душу. И вотъ, исходя изъ этого, надо сказать, что и тотъ, кто сейчасъ имѣетъ небольшой участокъ собственной земли, бояться не долженъ: ее не отнимутъ у него даромъ. Если у него въ семьѣ, допустимъ, шесть человѣкъ, то онъ получитъ тридцать шесть десятинъ земли. Если у васъ сорокъ десятинъ земли, онѣ почти цѣликомъ и останутся у васъ. Пашите съ Богомъ, пока у васъ есть силы и достаточное число своихъ рабочихъ рукъ! Такъ она и останется за вами до конца вашей жизни, если семейное положеніе не измѣнится и если не будетъ новой переверстки земли сообразно прибыли населенія.

И мало того, что сами вы будете владѣть ею всю жизнь, и дѣтямъ своимъ оставите: и родной домъ, и родную полосу, но не по праву собственности, а по праву русскаго гражданина и по уравнительной разверсткѣ, потому-что на вашу семью столько и приходится. Но если общество или земельный комитетъ увидятъ, что у васъ работниковъ убыло, что

вамъ стало не подъ силу управляться съ землей и вы уже стали нанимать постороннихъ, они могутъ взять отъ васъ излишекъ земли и передать другому, у котораго напротивъ работниковъ прибавилось.

— Нашелъ справедливость! Одни даромъ получаютъ землю, а я заплатить должонъ. Хороша справедливость! — Снова закричалъ старикъ, перебивая меня.—Грабительство, и больше ничего! Ежели по разверстке всемъ безплатно, такъ и мне давайте безплатно, а за эту заплатите! Вотъ какъ! Вы думаете, васъ много, ваша сила, такъ и я не одинъ. Насильно станете отнимать, убойство будетъ. Сказалъ—даромъ не отдамъ, хотя вы тутъ зарежьте меня, а не отдамъ! Сравняли барина съ мужикомъ! Баринъ задаромъ ее получилъ землю-то, а я, можетъ, изъ за нее на двадцать годовъ раньше въ могилу лягу... Судьи! Руками-то разводить всякаго есть, а вотъ наживать-то не у всякаго ума хватаетъ.

Собраніе опять заволновалось, опять грозила буря.

— Вотъ что, Тихонъ Федотычъ, если не ошибаюсь, васъ такъ зовутъ, обратился я къ старику, стараясь предотвратить бурю,— успокойтесь пожалуйста, никакой беды вамъ еще не грозитъ. Ведь здесь не Учредительное Собраніе, и не мы решимъ вопросъ: отбирать землю у мелкихъ земельныхъ собственниковъ или не отбирать, за плату отбирать, или безплатно. Все это будетъ решать Учредительное Собраніе выборныхъ людей всей русской земли, а здесь мы просто высказываемъ свое

мнѣніе, и больше ничего, и вашей земли сейчасъ отбирать не собираемся. Но я лично такъ думаю, что Учредительное Собраніе приметъ во вниманіе всѣ условія пріобрѣтенія земли частными лицами: перешла-ли земля по наслѣдству, куплена-ли за безцѣнокъ, или куплена честнымъ путемъ на трудовыя деньги. Все это несомнѣнно въ расчетъ примется. И кто заплатилъ за землю деньги и не успѣлъ возвратить своихъ затратъ, тому, я такъ думаю, назначатъ вознагражденіе. Конечно, всѣ такія мелочи каждаго отдѣльнаго случая Учредительному Собранію разбирать не придется, иначе ему пришлось бы сидѣть тамъ сто лѣтъ, а будетъ образована спеціальная земельная комиссія, какъ бы судъ, которая и будетъ разбирать земельный вопросъ. Учредительное Собраніе установитъ только законъ, общія правила какъ отобранія земель, такъ и раздѣла, а распредѣлять на мѣстахъ будутъ, конечно, мѣстныя комиссіи или комитеты, руководствуясь общимъ закономъ, установленнымъ въ Учредительномъ Собраніи.

Такіе комитеты уже и сейчасъ создаются. 19 мая открытъ Главный Земельный Комитетъ въ Петроградѣ, а въ недалекомъ будущемъ будутъ несомнѣнно организованы и губернскіе и уѣздные земельные комитеты.

И у васъ, конечно, тоже будетъ земельный комитетъ уѣздный, а можетъ быть и волостной, и вашъ голосъ въ немъ будетъ. Вы можете и словесно и документами до-

казывать ваше право на вознагражденіе. А если мѣстный комитетъ всетаки не приметъ вашихъ словъ въ уваженіе, такъ вы станете жаловаться въ губернскій комитетъ.

Но только повѣрьте одному, что сейчасъ бояться еще нечего, землю отъ васъ собраніе не отбираетъ и не собирается отбирать, потому что, слава Богу, у васъ народъ благоразумный и самоуправства не допуститъ. А какъ рѣшитъ Учредительное Собраніе, мы пока не знаемъ, но съ его рѣшеніемъ спорить уже не придется, такъ какъ это голосъ народа, а гласъ народа—гласъ Божій.

Старикъ немного успокоился, но всетаки еще не утерпѣлъ, чтобы не сказать нѣсколько обидныхъ словъ собранію.

— По сту рублей заплатилъ вѣдь за десятину-то, слыхали? — Шепнулъ мнѣ учитель,—вотъ и жаль, и боится.

— А какъ, въ общество вся земля добавочная должна перейти или отдѣльно, къ примѣру и хуторомъ, можно будетъ владѣть ею? выступилъ молодой мужикъ-хуторянинъ, про котораго я одно зналъ, что онъ учился въ низшей сельско-хозяйственной школѣ и былъ хорошимъ хозяиномъ.—Вѣдь еже-ли опять въ общество вся земля должна перейти,—продолжалъ онъ—такъ черезъ это нарушатся всѣ хорошія хозяйства, которыя мѣстами позаводились. Вотъ и про себя скажу: у меня земли и всего двѣнадцать десятинъ въ отрубу, а получаю я съ нихъ столько,

сколько въ обществѣ и съ двадцати не получаютъ, потому что у меня и многополье, и клеверъ, и плугъ, и молотилка есть. Семь годовъ я на хуторѣ и ни разу не было неурожая, потому что у меня всякіе разнообразные посѣвы, къ тому же обработка и удобреніе другое. Спросите всѣхъ, говорю не хвастаясь. А ежели перейти въ общество, такъ все это придется нарушить.

Этотъ вопросъ снова озадачилъ всѣхъ, очевидно его не ожидали, и всѣ вопросительно смотрѣли на меня.

— Что же вамъ сказать на это?— началъ я,—могу сказать вамъ то же, что и сказалъ Тихону Федотычу, что и этотъ вашъ вопросъ и скажу, вопросъ тоже не маловажный, потому что такихъ мелкихъ земельныхъ владѣльцевъ, какъ вы, въ Россіи, благодаря Столыпинской реформѣ, больше двухъ милліоновъ, будетъ рѣшать Учредительное Собраніе. И какъ оно рѣшитъ, такъ и будетъ.

Программа партіи соціалистовъ-революціонеровъ говоритъ: „что всѣ земли поступаютъ въ завѣдываніе центральныхъ и мѣстныхъ органовъ народнаго самоуправленія, начиная отъ демократически организованныхъ безсословныхъ сельскихъ и городскихъ общинъ и кончая областными и центральными учрежденіями; пользованіе землей должно быть уравнительно трудовымъ, т. е. обезпечивать потребительную норму на основаніи приложенія собственнаго труда, единоличнаго или въ товариществѣ“. Какъ видите, здѣсь при-

знается и единоличное хозяйство. Но какъ рѣшитъ Учредительное Собраніе—трудно сказать. Сейчасъ серьезно поднятъ вопросъ о національно-территоріальной автономіи не только Польши и Финляндіи, но и Украйны и Кавказа.

А это поведетъ къ тому, что Польша, Украйна, Кавказъ, Финляндія, а можетъ быть и Эстляндія и Сибирь земельный вопросъ будутъ рѣшать по своему. Вотъ, наприм., уже Украинскій съѣздъ партіи соціалистовъ, революціонеровъ въ Кіевѣ рѣшительно отступилъ отъ старой программы партіи въ земельномъ вопросѣ. Онъ постановилъ, что соціализація земли въ условіяхъ украинской экономической дѣйствительности трудно осуществима, и что наиболѣе подходящей формой передачи земли народу является націонализація земли, т. е. объявленіе земли національнымъ, народнымъ достояніемъ, и только. (Дѣло Народа № 37). Но Учредительное Собраніе не партія, тутъ будутъ люди всѣхъ партій, а большинство-то будутъ безпартійные; вопросъ рѣшать будутъ всѣ, и что найдутъ болѣе полезнымъ и болѣе отвѣчающимъ настоящимъ обстоятельствамъ, теперешнимъ условіямъ русской жизни, такъ и рѣшатъ. И рѣшеніе это—будетъ законъ.

Лично же я такъ думаю, что въ дѣлѣ пользованія землей должна быть дана полная свобода. Хочетъ человѣкъ въ общинѣ оставаться,—оставайся! Хочетъ онъ вести хозяйство отдѣльно, хуторомъ и въ этомъ ему препятствій не должно

быть. Во первыхъ этимъ устранится нѣкоторая несправедливость и насильственное уравненіе всѣхъ, подгонка всѣхъ подъ одну линію, а съ другой стороны тѣмъ будетъ дана и свобода личному почину, личной самодѣятельности человѣка, отчего хозяйство страны несомнѣнно только выиграетъ.

Наглядный примѣръ тому наше русское хозяйство, и хозяйство датчанъ или хоть и тѣхъ же нѣмцевъ. Такая же земля тамъ даетъ сто пудовъ съ десятины, а у насъ 50 и въ лучшемъ случаѣ 60 пудовъ.

Но есть еще болѣе наглядный примѣръ даже въ Россіи—хозяйство нѣмецкихъ колонистовъ и нашихъ крестьянъ общественниковъ, живущихъ рядомъ съ колонистами. Разница поразительная.

А потомъ возьмемъ такой случай—общество занимается хлѣбопашествомъ, а вотъ онъ или другой кто пожелали заняться спеціально садоводствомъ или огородничествомъ, и условія для того благопріятны, и нужда въ продуктахъ садоводства большая, какъ тутъ быть, если всѣхъ закрѣпить за общиной. Огородничество, надо сказать, у насъ въ высшей степени слабо развито, между тѣмъ какъ оно имѣетъ громадное значеніе въ хозяйственной жизни народа.

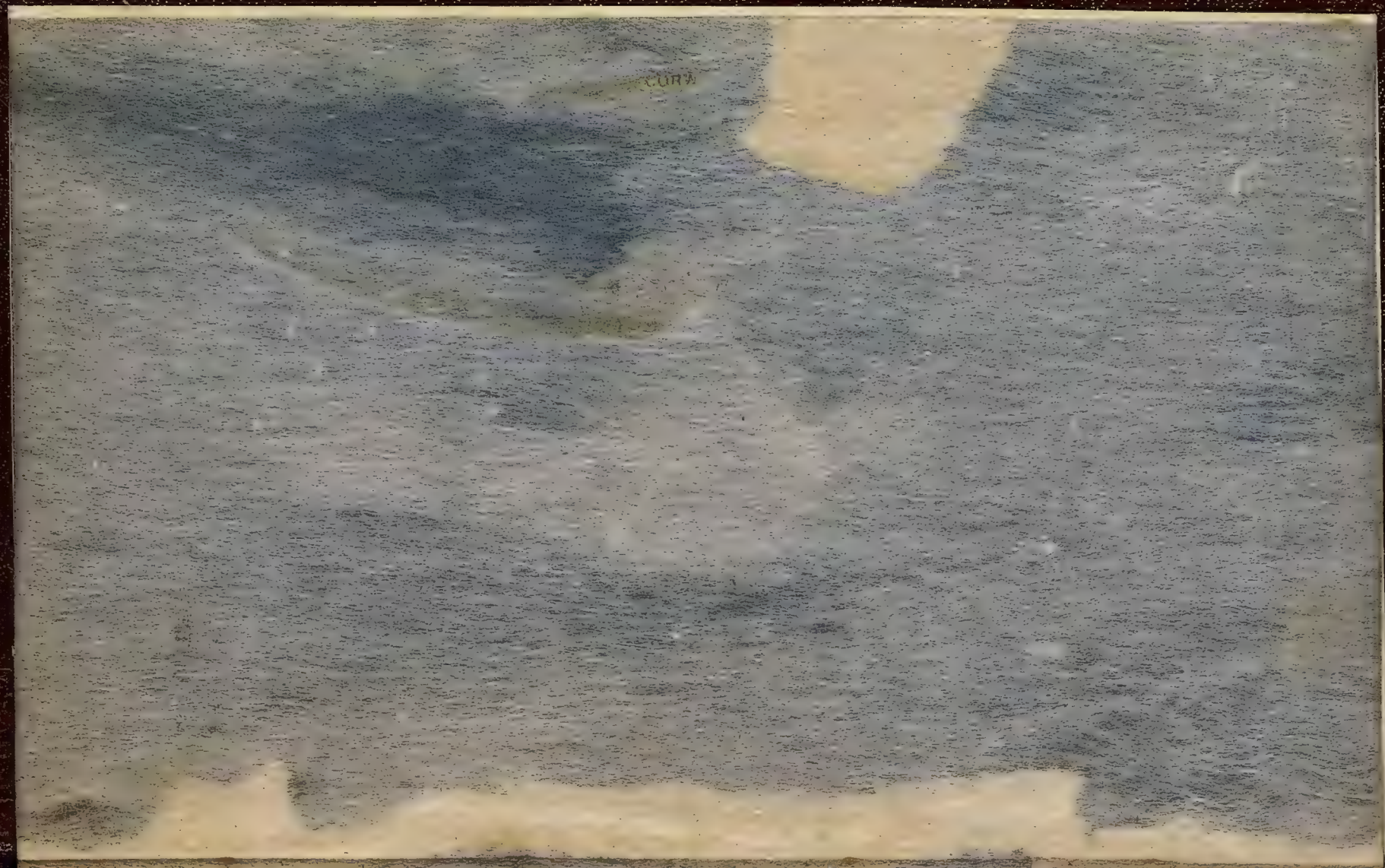
И такихъ примѣровъ можно привести множество. Вотъ поэтому-то я и думаю, что Учредительное Собраніе едва-ли рѣшитъ вопросъ такъ, чтобы владѣніе землей происходило исключительно на общинныхъ началахъ, чтобы земля и всѣ желающіе

заниматься сельскимъ хозяйствомъ были прикрѣплены къ общинѣ. Это въ корнѣ противорѣчило бы принципу свободы.

Въ свободномъ, правовомъ государствѣ должна быть не только свобода гражданская, но и свобода самодѣятельности и свобода выбора занятій и способовъ труда.

Тогда только геній народа развернется во всю ширь и мощь, и тогда лишь силы народа получатъ полное развитіе и дадутъ наилучшій плодъ.

ОИК-57477



Казань. Тип. Т-во „УМИДЪ" б. Харитонова. 1917.

ОИК-57477